

В. Г. Белинский

**Очерки бородинского
сражения (Воспоминания
о 1812...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806545*

Аннотация

Это первая статья Белинского в отделе критики «Отечественных записок». Статья об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки (равно как и о «Бородинской годовщине» Жуковского) вызвала недовольство в передовых общественных и литературных кругах. Впоследствии Белинский указывал, что его статья об «Очерках...» Глинки «верна в своих основаниях» (признание закономерности исторического развития), но ошибочна по выводам, поскольку в ней «должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права», то есть показать, что такой общественный порядок, как русское самодержавие, таит в себе элементы своего отрицания, что он — временный, преходящий.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Виссарион Григорьевич Белинский Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)

*Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем русского
офицера». Москва. 1839*

Народ не есть отвлеченное понятие: народ есть живая особность, духовная организация, которой разнообразные жизненные отправления служат к единой цели. Народ есть *личность*, как отдельный человек. Каким образом *люди* стали *народами*, частные индивидуальности слились в общие массы и, так сказать, исчезли в них?.. Вот одни из тех вопросов, решение которых не подлежит ни историческим разысканиям, ни исследованиям рассудка, опирающимся на опыте. Спросите человека, как он явился на свет: может ли он вам ответить на этот вопрос? Он существовал еще во чреве своей матери, но не зная о своем существовании; он существовал еще бессмысленным и бессловесным ребенком, но не зная о своем существовании; он даже не помнил своего младенчества, когда уже язык его лепетал несвязные ре-

чи, а юная душа принимала уже разнообразные впечатления бытия; он едва-едва помнит себя даже выходящим из младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существование начинается с черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вот почему каждый человек всегда начинает свою историю словами: «С тех пор, как я начал себя помнить», и вот почему самая эпоха его сознания еще так неопределенна, представляя собою какой-то утренний полусумрак, и только в периоде юношества делается ясным и светлым утром. Так точно и народ не в состоянии отвечать самому себе на вопрос: откуда он произошел, как он явился? Нам скажут, что людей свели взаимные нужды, заставившие их взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять свою естественную форму. Прекрасно, но ведь и дитя не бежит от своих родителей, от своего семейства, бессознательно чувствуя свою нужду в них, хотя и отвращаясь лозы и власти их, а между тем оно все-таки не помнит, как это сделалось, что оно стало членом своего семейства, а чрез него и членом своего государства. Другие нам скажут – и это будет еще справедливее, – что исходным пунктом соединения людей в общество было бессознательное влечение человека к человеку, врожденное ему от природы, а взаимная нужда друг в друге только укрепила и довершила это соединение. Прекрасно, но ведь и младенец, прежде нежели он почувствовал нужду в своей матери или няньке, влекся к ним бессознательным

чувством, а между тем, ставши полным человеком, он все-таки не помнит, как это сделалось, и даже не помнит черты, разделяющей конец его бессознательности с началом его сознательности. Очевидно, что народ рождается бессознательно, проходит все возрасты человека, то есть сперва бывает зародышем или *возможностию*, из которой, как растение из семени, организуется младенец, лелеемый матерью-природою, из младенца делается отроком и наконец доживает до того момента своего существования, с которого начинает говорить: «С тех пор, как я начал себя помнить». Вот почему начало, или, лучше сказать, *зачатие* всех народов решительно ускользает от взоров истории, и все усилия рассудочных мыслителей схватить его остаются тщетными; вот почему в истории каждого народа есть период баснословный и полубаснословный, или доисторический и полуисторический, который так незаметно сливается с историческим, что невозможно уловить черты, разделяющей их. Много было теорий о происхождении политических обществ, особенно много их было у французов, в их «философском» XVIII веке. Эти теории принесли великую пользу, доказав бесполезность и нелепость стремления объяснить опытом не подлежащее опыту, сделать ясным рассудку недоступное для рассудка. Таким же точно образом силились объяснить происхождение языка. Сознав, что слово основано на непреложных законах разума, заключили из этого, что явление слова было результатом сознания его законов, то есть что оно было сочинено, придума-

но, изобретено, как, например, паровые машины сочинены, придуманы и изобретены вследствие сознания силы паров. Нелепая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочинении или учреждении универсального языка, в котором были бы все свойства, составляющие особенность каждого языка отдельно, и который, поэтому, заменил бы все языки и был бы общим ученым языком. Разумеется, это предприятие кончилось тем же, чем кончилось строение вавилонского столба: не осталось даже и обломков гордого здания, имевшего целию соединить небо с землею. Кроме того, силились найти первобытный человеческий язык и пустили в ход сказку о Псамметихе, прибегнувшем к странному способу для разрешения этого неразрешимого вопроса и допытавшегося через него, что первобытный язык был – *фригийский*^[1]. Потом основали образование языка из междометий и почитали себя в состоянии ясно, определительно показать весь исторический ход развития языка, как собрания *условных знаков* для выражения понятий. Остановите ваше внимание на эпитете «условный», и вы поймете причину этого заблуждения! Всякое условие бывает сознательно и есть

^[1] Сказка о Псамметихе – легенда, рассказанная в «Истории» Геродота (ч. I, кн. 2 «Евтерпа», § 2). Египетский фараон Псамметих I, желая узнать, какой народ и какой язык являются древнейшими, приказал двух новорожденных младенцев поместить в хижину, изолировав от людей. Их кормил и за ними молча наблюдал в течение двух лет козий пастух. Однажды, когда пастух вошел в хижину, мальчики бросились к нему и закричали: «бекос». Оказалось, что «бекос» – это по-фригийски «хлеб».

заранее предположенное намерение, предположенная цель, наконец, договор. Человек почувствовал необходимость сообщить свои мысли подобным себе: вот и давай условливаться, лошадь называть лошадию, собаку собакою и так далее. Прекрасно; но разве в целом обществе людей только одному предоставлено было право предлагать условия, а всем прочим только принимать их на кланяться, приговаривая: «Так-с, батюшка, так – слушаем-с: это лошадь, а это собака»?.. И как один человек мог согласить многих? а если многие вздумали соглашать многих, то как же они успели согласиться? Кроме того, как бы это ни вышло, через одного или многих, но если эти «условия» не имели причины в самих себе, то есть не основывались на непреложной внутренней необходимости, то они были случайны, а следовательно, и бессмысленны; но мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа... Нет, язык был дан человеку как откровение, а не найден им как изобретение. Если человек явился в мире существом разумным, то необходимо и словесным, потому что слово есть разум в явлении^[2]. Человек владел словом еще прежде, нежели узнал, что он владеет словом; точ-

^[2] Справедливо критикуя идеалистические теории происхождения языка, Белинский приблизился к научному решению проблемы: он настаивает на тесной связи языка и мышления, как формы и содержания, на одновременности возникновения мышления и звукового языка.

но так же дитя говорит правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, следовательно, еще не зная, что оно говорит правильно, грамматически. Слово человеческое есть одно из тех явлений действительности, которые в самих себе скрывают причину своего явления, которые органически возникают и развиваются из себя и вне себя не имеют причины и которых рождение есть, поэтому, тайна. Действительность, как явившийся, отелесившийся разум, всегда предшествует сознанию, потому что прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо после самой природы, грамматика после языка, история после пережитой народами жизни. Все что ни есть – есть или являющийся разум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в сознании). Дело сознающего разума – сознавать действительность, а не творить ее, и потому разум пишет грамматику, а не сочиняет языка, пишет трактат об организации общества, а не создает общества. Как невозможно сочинить языка, так невозможно и устроить гражданского общества, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно складывается. Всякое явление действительности, из самого себя возникшее, рождается и развивается органически; всякое изобретение делается механически. Первое есть вдохновенный порыв духа осуществиться в действительности; второе есть расчет рассудка, основанный на соображении вероятностей. Материалисты XVIII века хотели объяснить происхождение

мира механическим сцеплением атомов, механическим процессом взаимодействия тяжести и выходящих из ее математических законов стремлений; но это *объяснение* только затемнило сущность дела, потому что, отличаясь внешнею ясностью, отличалось внутренним мраком. И как же тут быть свету, а не мраку, когда они в мироздании видели только какие-то блоки, веревки, гвозди и клей, а не горячую кровь и полные электричества нервы, – мертвый скелет, а не живой организм, как выражение движущегося в нем духа жизни?^{3} Автомат делается механически, и потому он труп без жизни; организм человека развивается динамически, и потому в нем веет, движется дух жизни. В зародыше, из которого рождается человек, заключен дух жизни, самодеятельно, из самого себя развивающийся в определенные формы во чреве матери, как развивается динамически, то есть собственной самодеятельностью, зерно, положенное в землю, и становится деревом. То и другое требуют для своего развития внешнего вещества – питания, но это внешнее перерабатывают и претворяют в свою собственность, в свои соки, кровь и плоть, и это внешнее опять развивают из себя: так точно происходит и народ. Его духовная организация параллельна телесной организации младенца и дерева, примеры которых мы нарочно привели. Сущность жизни в зерне жизни, а это

^{3} Белинский имеет в виду теории механического материализма, в которых не была выявлена специфика исторических процессов и на явления общественной жизни переносились законы природы.

зерно – божественная идея, из сферы возможности переходящая в сферу действительности, из *небытия* осуществляющаяся в *бытие*, по глаголу священного писания: «Бог создал мир сей из *ничего*»...^{4}

Начиная от времен, о которых мы знаем только из истории, до нашего времени не было и нет ни одного народа, составившегося и образовавшегося по взаимному сознательному условию известного числа людей, изъявивших желание войти в его состав, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и гениального человека^{5}

^{4} См. Деяния святых Апостолов, 17, 24.

^{5} Белинский возражает здесь теории «общественного договора» Руссо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания